Таганрогская правда. – 1997. - 17 янв. - С. 7; 31 янв. – С. 7; 14 фев. – С. 6; 21 февр. – С. 6;

Белые пятна в истории Таганрога

Гаврюшкин О.

Александр Исаакович Шамкович, писавший свои произведения под именем Сергея Званцева, родился в 1893 году. Юрист по образованию. Его отец родился в 1862 году в многодетной семье купца Якова. Вместе с Антоном Павловичем Чеховым учился в таганрогской мужской гимназии. По образованию врач, в 1887 году окончил Петербургскую академию. Проживал и принимал больных (болезни уха, горла, носа) в собственном доме по Итальянскому переулку, 31. При советской власти дважды удостаивался звания Героя Труда (1931 и 1936 годы). Умер в феврале 1941 года, имея за плечами полувековую врачебную деятельность.

Сергей Званцев, живший в Ростове, писал рассказы, пародии, фельетоны, повести. Являлся корреспондентом журнала «Крокодил», печатался в «Молоте», «Советской России», «Литературной газете», «Труде», «Огоньке», «Доне», «Неве» и других периодических изданиях.

У многих таганрожцев серия рассказов Сергея Званцева, в которых он показывает жизнь купеческого Таганрога, является настольной книгой. Привлекательность рассказов его неоспорима, тем более что в них он вводит реально живших когда-то людей. Под мастерским пером автора персонажи оживают и заставляют верить в реальность происходящих событий. Однако неточности в изложении, а иногда и преднамеренное искажение исторической действительности снижают ценность произведений Сергея Званцева.

Павел Петрович Филевский, автор книги «История города Таганрога», страшно возмущался, читая произведения Сергея Званцева:

- Как он может грешить против истины и так грубо допускать вольное изложение, преподнося читателям заведомо надуманную ложь, - и тут же сердито добавлял: - Брехун.

Читателям предлагается разбор некоторых рассказов Сергея Званцева, где автор допустил отступления от реальной жизни, вероятно, руководствуясь в первую очередь созданием художественных образов и стремлением к плавному течению событий.

«Дворец Алфераки»

Автор рассказа утверждает, что потомки легендарного Дмитрия Алфераки, которым принадлежало здание в 115-м квартале, и более известное жителям города как «Дворец Алфераки», продали его таганрогскому Коммерческому собранию. Это не так.

В начале 80-х годов здание со всеми постройками 115-го квартала наследники Николая Алфераки продали купцу первой гильдии Дмитрию Амвросиевичу Негропонте, а тот уже в 1883 году сдал его в аренду Коммерческому собранию. Через два года после смерти Д. Негропонте, в 1911 году, здание окончательно перешло в собственность клуба, после того как за счет пожертвований членов клуба выплатили вдове умершего купца 67 тысяч рублей.

В рядом стоящем здании размещалась водолечебница доктора Николая Дивариса, у которого первым помощником, а впоследствии и ком паньоном был доктор Дмитрий Маркович Гордон. В 1905 году лечебница обанкротилась, и ее в полную личную собственность за 45 тысяч рублей приобрел отец молодого доктора Маркус Гордон. Почему же сына владельца водолечебницы Дмитрия Марковича автор рассказа «Дворец Алфераки» показывает под инициалами Д.И. Гордон? Неизвестно.

Действительно, в Коммерческом собрании до рассвета велись азартные игры в карты «по-крупному», однако тот факт, что на кон был поставлен санаторий и водолечебница, принадлежащая старшему Гордону, вызывает недоверие.

Кроме того, с 19 апреля 1896 года, то есть года открытия санатория, когда он еще принадлежал Диварису, азартные игры при клубе были запрещены навсегда. Это случилось после того, как засидевшиеся до утра игроки заметили, что карты, которыми они играли, были различного качества -простыми и атласными. Это вызвало подозрение в умышленной перетасовке карт, и случай этот чуть не закончился крупным скандалом. Старшина клуба вынужден был отдать распоряжение об окончательном прекращении в Коммерческом собрании азартных игр.

Примечательный курьез, показанный в рассказе «Дворец Алфераки», нигде в официальной периодической печати не упоминался и не обсуждался. Падкие на сенсации местные газеты дореволюционного периода эту тему уж не обошли бы.

В этом же рассказе автор выводит еще одно действующее лицо, еврея Ревича. Действительно, личность эта историческая, но она мало соответствует тем событиям, которые происходили на самом деле. Действительного персонажа звали не Александром Ильичом, а Елизаром Марковичем. Был он старожилом города, таганрогским мещанином, обремененным большой семьей: жена Мария Леонтьевна, урожденная Собсович, двое сыновей и три дочери (Юлия, Эстер-Хана и Голда). Первенцем в семье стал сын Фердинанд, родившийся в 1865 году. Выходит, что его отец родился не позднее 1845 года, и ему, если считать, что события происходили в 1895 году, было лишь 50, а то и меньше лет.

Совершенно неверно, что мельница, принадлежавшая Ревичу, находилась в рабочем состоянии. Огромную мельницу в 60-х годах 19-го века построило общество для переработки зерна, отправляемого за границу. Затем ее приобрела семья Алфераки, но пользовалась ею очень непродолжительное время, так как она сгорела в 1880 году и настолько, что о восстановлении не могло быть и речи. Убыток составил 183 тысячи рублей.

Никак Елизар Маркович не мог поджечь собственную мукомольню, потому что он приобрел лишь ее голые стены много лет спустя - все, что осталось после пожара, и купил только с одной единственной целью: продать остатки кирпича после разборки стен всем желающим.

Утверждение же автора рассказа «Дворец Алфераки», что Ревич учил малолетних сыновей, гимназистов Алю и Даню, играть в карты и решал с ними задачи из этой области, маловероятно и неправдоподобно. Сыновьям Фердинанду и Александру на момент описываемых событий было первому - 30, второму - 18 лет, и разница в годах между ними составляла 12 лет, а не 2 года, как упомянуто в рассказе.

Да и мог ли играть в карты и проигрывать последние деньги еврей, содержащий" большую семью? Нет, невероятно.

На месте сгоревшей мельницы Ревич построил летние дачи, которые пользовались в городе большой популярностью.

Шестого августа 1906 года в Таганроге умер купец второй гильдии Иван Иванович Лобода, оставив после себя состояние, оцениваемое в сумму около миллиона рублей и заключающееся в наличных деньгах, процентных бумагах, долговых документах и разного вида недвижимостях. Духовного завещания не оставил.

20 октября 1906 года окружным судом города Таганрога права прямых наследников Ивана и Сергея Лободы были удовлетворены, и они вступили во владение наследством. По их желанию процентные бумаги на сумму в 40 тысяч рублей были переданы теткам - Варваре и Марии, другому родственнику - Виктору Скилиоте передали ценные бумаги на 30 тысяч рублей. Кроме того, теткам отписали в пожизненное пользование двухэтажный дом, в котором они до этого жили с умершим братом и в котором игралась свадьба Онуфрия Ивановича.

Автор рассказа "Миллионное наследство" смещает происходящие события на несколько лет, искажает и изменяет имена и фамилии действующих лиц. Само появление неожиданно для всех духовного завещания автор объясняет тем, что оно хранилось у купца Запорожца, тогда как на самом деле оно неизвестным анонимным лицом было отправлено из Ростова в Таганрогскую управу 23 июля 1907 года. Фамилия второго по значимости действующего лица в рассказе искажена, им был не купец с фамилией Запорожец, а купец Запорожченко Емельян Васильевич.

"Наследники, конечно, нашлись: двоюродные или даже троюродные племянники покойного, два брата - Василий и Иван Лобода", - пишет Сергей Званцев. На самом деле прямыми, именно прямыми наследниками признали двух родных племянников, сыновей брата завещателя Онуфрия, умершего в 1889 году, 22-летнего Ивана и 19-летнего Сергея. Сына Василия у Онуфрия не было. Приписываемый автором рассказа род занятий и образ жизни племянников Ивана Лободы не соответствует действительности, хотя нам и трудно расстаться с образом любителя чудесного таганрогского пива.

Всего у Онуфрия Ивановича родилось трое детей: первенец Мария, рождения 1882 года, ко времени судебного разбирательства умершая, и упомянутые выше два сына - Иван (1884) и Сергей (1887). Проследим их дальнейшую судьбу, такой ли она была в действительности, какой се обрисовал в своей книге писатель Сергей Званцев.

"Старший, Василий, мужик крепкий, числился в лихачах, держал пару рысистых лошадей и пролетку на дутых шинах. По вечерам катал Василий по темным улицам Таганрога влюбленные парочки, взимая по трояку за час..." - пишет Сергей Званцев про одного из братьев, изменив имя Сергей на Василий.

"А Иван - тот запил, - продолжает писатель про второго брата, - хотя к водке и вину не притронулся. Всю жизнь он мечтал вдоволь напиться пива, чудесного таганрогского пива, стоившего четвертак бутылка. С этой мечтой он дожил до сорока лет, облысел, не обзавелся по бедности семьей и теперь, точно в сказке, достиг своей мечты". Здесь действительно есть доля правды, но насколько, об этом речь пойдет ниже.

После получения наследства и не дожидаясь окончания судебного разбирательства, которое длилось бесконечно, Иван Онуфриевич предусмотрительно успел приобрести домовладение у жены почетного гражданина города Евгении Краселыдик, записав его на имя супруги Юлии Васильевны. Имели четвертых детей: Елену, Зинаиду, Марию и Надежду.

Младший брат Сергей Онуфриевич в октябре 1913 года обвенчался в Успенском соборе с девицей из известной дворянской семьи Верой Андреевной Грековой. От совместного брака имели дочерей Нину и Варвару, а также сына Андрея. Во время революции Вера Андреевна уехала с офицером за границу, умышленно оставив на перроне вокзала дефективную дочь Нину. Супруг Сергей Онуфриевич остался в городе.

В городском архиве удалось найти интересные сведения об Иване Онуфриевиче. В 1923 году произошла реорганизация системы управления органов милиции. Во время ревизии служебных дел и инвентаризации материальных ценностей среди сотен папок упоминается 13 альбомов, где помещены фотографии преступников, а также фотоаппарат с принадлежностями к нему. Фотографировал преступников сотрудник милиции Иван Онуфриевич Лобода, который, кроме того, вел регистрационные книги по учету задержанных.

Когда в Таганроге впервые появилась книга Сергея Званцева и попала в руки сына Ивана Онуфриевича Лободы, он страшно возмутился тем, что его отца, достойного человека и доброго семьянина, обвинили в беспробудном пьянстве. Он "с психу явился к Сергею Званцеву на квартиру, набил ему морду и заявил, что он, писатель, сволочь, не разобрался и что спился не его отец Иван, а дядька Сергей, работавший ранее в подвалах торговых рядов (у нынешнего памятника А.П. Чехову - О.Г.), где хранилось в больших количествах пиво и шампанское. Сергей Онуфриевич с приятелями в этих подвалах пил,

пил, пил... затем уже и дома не появлялся, в подвале и умер". (Записано со слов Геннадия Алексеевича, внука купца И.И. Лободы, ныне здравствующего и живущего в Таганроге).

С его же слов стало известно, что деда и Званцева после скандала вызвали в горком партии. Стали разбираться и выяснили, что Иван Онуфриевич окончил академию, в 1914 году попал на фронт, был контужен и ранен, после чего всю жизнь страдал головными болями. Еще обучаясь в академии, интересовался криминалистикой, в первые годы советской власти дружил с начальником таганрогской милиции Киселевым, который и устроил Ивана Онуфриевича в органы. За допущенную ошибку писатель Сергей Званцев принес свои извинения.

По Сергею Званцеву, в духовном завещании, якобы имеющемся у Запорожца, "черным по белому было записано, что город получает почти весь капитал покойного, примерно два миллиона рублей, со специальным назначением: на постройку водопровода. Душеприказчиком, то есть распорядителем наследства, обнаруженный документ назначил того же Запорожца, которому за труды завещалось 50 тысяч рублей и три магазина".

А теперь процитируем текст духовного завещания купца И.И. Лободы, хранящегося в делах городской управы. В нем (дается с некоторыми сокращениями) сказано:

"Двадцать пять тысяч рублей сестре И. И. Лободы - Марфе Морозовой; столько же - другой сестре Варваре Лободе и, кроме того, обоим предоставляется в пожизненное владение дом на Иерусалимской улице (старое название Александровской улицы - О.Г.) в городе Таганроге под номером 95; двадцать пять тысяч рублей семье племянника по женской линии Виктору Скилиоти; пятьдесят тысяч рублей на устройство или приобретение больницы и сто тысяч рублей на содержание этой больницы; сто пятьдесят тысяч рублей на устройство водопровода в городе Таганроге; двадцать тысяч рублей в пользу городского училища, попечителем которого он, Лобода, состоял, а магазины по Гостиному ряду на Александровской площади города Таганрога, арендуемые Емельяном Запорожченко, под номерами 94, 96 и 98 предоставлялись в собственность ему, последнему.

Душеприказчиками по духовному завещанию были назначены Емельян Запорожченко и присяжный поверенный Акимов, которые в вознаграждение за свои труды по реализации всего оставшегося после его, Лободы, смерти имущества и по исполнении воли завещателя, должны получить каждый по два процента со всей стоимости наследства; остаток же имущества, какой получится после производства всех перечисленных выше затрат, они, душеприказчики, обязаны передать поровну племянникам завещателя Ивану и Сергею Онуфриевичам Лободе".

Как видим, разница в тексте двух завещаний - представленного С. Званцевым и хранящегося в делах управы - огромна.

Далее писатель допускает большие неточности, описывая судебный процесс, который разбирался по духовному завещанию купца И.И. Лободы. Во-первых, судебное разбирательство велось не в таганрогском окружном суде, а в интересах правосудия его назначили к слушанию в окружном суде города Екатеринослава (Днепропетровск), на котором присутствовало 56 свидетелей и юридических лиц, а также 30 свидетелей от защиты. Вел заседание председатель окружного суда Карчевский, а не судья Епифанович.

Во-вторых, к делу якобы были приобщены справки, выданные церковными служителями, утверждающие, что прямые наследники, племянники Иван и Василий (?) крещены причтом кладбищенской церкви, тогда как на самом деле и Иван, и Сергей подвергались акту крещения в Михайловской церкви соответственно в 1884-м и 1887 годах.

В-третьих, постановление, вынесенное якобы судом в городе Таганроге, звучало так:

"Завещание признать подлинным, но принимая во внимание, что в самом тексте его имеется распоряжение об оглашении только через год после смерти наследователя, между

тем как по закону завещание должно быть предъявлено к исполнению не позже чем черезполгода (?), а также признавая истцов троюродными и, стало быть, ненаследоспособными, в иске братьев Лобода отказать, в притязаниях города тоже отказать, а имущество, оставшееся после смерти Ивана Лободы, объявить выморочным и обратить в доход казны".

На самом деле Екатеринославский окружной суд без излишних оговорок признал предоставленное духовное завещание И.И. Лободы законным, и оно вступило в силу, по которому наследники получили свое, а городское управление 150 тысяч рублей на сооружение водопровода, 150 тысяч рублей на содержание больницы и 20 тысяч рублей на нужды Гоголевского училища.

Как известно, дело этим не закончилось, племянники добились пересмотра дела, и 5 ноября 1915 года Новочеркасский суд, где слушалось дело, признал духовное завещание купца И.И. Лободы подложным и передал дело в правительствующий сенат, который утвердил решениеНовочеркасского суда.

Подробности об этом процессе опубликованы в очерке "Тайна завещания купца Лободы".

Неприятно читается и высказывание автора рассказа "Миллионное наследство" в адрес купца, редактора и издателя газеты "Таганрогский вестник" Козьмы Дионисовича Чумаченко и его супруги:

"Редактор-издатель в пышном газетном слоге был не си лен. В грамоте - тоже. В некие давние времена влюбилась в него, тогда маленького служащего станционной багажной конторы, перезрелая единственная дочка владельца газеты и типографии при ней (вернее, типографии и при ней газеты) Кокорева".

По своему содержанию газета "Таганрогский вестник" была грамотной, интересной и разносторонней газетой. Только благодаря стараниям ее издателя и редактора, который "в пышном газетном слоге был не силен, в грамоте тоже", нам стали известны многие неизвестные страницы из истории старого Таганрога.

Очень, очень редки были в Таганроге случаи, когда девушки выходили замуж в возрасте 16, 17 или 18 лет; обычным для молодых женщин считался возраст в 20- 22 года. Обращаемся к записи, сделанной в метрической книге рождений, бракосочетаний и умерших по Митрофаниевской церкви:

"Чумаченко Козьма Дионисович, бахмутский мещанин, 27-и лет и дочь таганрогского мещанина Лидия Андреевна Миронова, 19-и лет, бракосочетались 25 апреля 1897 года..."

Молодая девушка у Сергея Званцева превращается в "перезрелую единственную дочку владельца газеты и типографии Кокорева". Именно Кокорева, а не Миронова. В рассказе "Крылья" владелец газеты Кокорев почему-то превращается уже в Кокорина.

На фотографии, где супруги сняты в окружении рабочих типографии, Лидия Андреевна Чумаченко выглядит приятной и милой женщиной, и даже в этом возрасте ее никак не назовешь перезрелой.

Видно, действительно "мертвые сраму не имут", и становится понятным справедливое выражение "О мертвых только хорошее или ничего", так как на незаслуженные упреки и оскорбления они уже ничего не смогут ответить в свое оправдание.

«Крылья»

Автор рассказывает о таганрогском изобретателе, некоем Троилене, морском офицере, который в письме в редакцию газеты «Таганрогский вестник» объявил о своем изобретении «окрыления пароходов», то есть о применении подводных крыльев для увеличения скорости морских судов. Как объяснял он своим друзьям, сделал он это с целью усилить наш флот в память морских сражений у севастопольских и таганрогских берегов 1855 года.

Как развивались события далее, известно из рассказа. Насколько повествование соответствовало действительности, лежит на совести автора рассказа.

В Таганроге действительно проживал человек, занимавшийся изобретениями в области морского судоходства, но имел он фамилию Ситниченко и по имени был Иван Васильевич. Возможно, Троилин и Ситниченко одно и то же лицо, так как Сергей Званцев зачастую выводит реальные лица под вымышленными именами.

Иван Васильевич Ситниченко в 1904 году изобрел, как он выразился, «мину-снаряд». По его мнению, его детище могло взорвать всю эскадру противника на большом расстоянии. Он получил вызов в морское министерство на беседу и осмотр его изобретения. Изобретатель начал готовить подробное описание и чертежи, однако заявил, что не поедет в Петербург до тех пор, пока ему не выплатят «подъемных».

Тот же Иван Васильевич в 1916 году выразил мнение, что «закладка Таганрога временно произошла под несчастной звездой в один из несчастных дней». Должен с ним согласиться.

Небольшая поправка к утверждению автора, что «телефон в Таганроге был установлен еще в 1885; году». Только 6 марта 1890 года газета «Таганрогский вестник» впервые сообщила жителям города: «Устройство телефонного сообщения накануне, то есть 5 марта, осуществлено». Так же ошибочно, с разницей ровно в один год, об этом важном для города событии сообщает сборник «Таганрог в исторических датах 1698-1948 годов», указывая март 1891 года как дату устройства телефона в Таганроге.

«Член Государственной думы»

Коль речь в рассказе идет об интересном для Таганрога человеке, дополним его некоторыми подробностями из жизни Александра Сергеевича Золотарева.

Родился в 1869 году. Воспитывался в таганрогской мужской гимназии. По ее окончании учился в Ярославском юридическом лицее. Присяжный поверенный окружного суда. Являлся блестящим защитником и выступал на судебных процессах по уголовным делам. Последние десять лет ни один сколько-нибудь заметный процесс на побережье Азовского моря, в донской, кубанской и терских областях и прилегающих к ним губерниях не обходился без его участия.

Когда Александр Сергеевич Золотарев начинал свою защитительную речь, вся аудитория затихала. Ясными, отчетливо отчеканенными словами оратор постепенно захватывал внимание присутствующих, затем, повышая голос, увлекался основной мыслью своей речи и буквально очаровывал слушателей. Он был редким художником слова.

Будучи гласным городской думы, перед отъездом из Таганрога генерал-майора Шмидта произнес речь с резкими суждениями в его адрес, за что был выслан из города. В 1907 году с разрешения наказного атамана Области Войска Донского ему дозволили вернуться на жительство в Таганрог.

В августе 1910 года в думе шли горячие споры - рассматривался вопрос, что строить на имеющиеся средства: здание для библиотеки и музея А.П.Чехова или городскую больницу. За постройку библиотеки и музея высказывались 17 человек, против - 9; среди них был и А.С.Золотарев.

Он был меценатом, покровительствовал начинающим местным художникам, музыкантам и широко благотворил нуждающихся. Почти никто об этом не знал, сам же Александр Сергеевич предпочитал молчать.

Придерживался левой ориентации, как выражалась газета «Приазовский край», был лидером партии кадетов. На собрании избирателей еврейского общества 11 марта 1906 года, которое состоялась в синагоге, 450 присутствовавших решили присоединиться к партии народной свободы и подали свои голоса за кандидатов партии, среди которых были - А.С.Золотарев, а также родственник писателя Сергея Званцева И.Я.Шамкович.

Вместе с женой проживал в собственном одноэтажном доме в Итальянском переулке, 20. Первые сообщения о заболевании А.С.Золотарева катаром желудка появились в газете «Приазовский край» 31 декабря 1911 года. Болезнь бурно прогрессировала, и через два месяца тяжелых страданий в ночь на 19 января 1912 года в 2 часа 30 минут Александр Сергеевич Золотарев скончался от рака желудка. В тот же день в 8 часов вечера в Успенском соборе по усопшему была совершена первая панихида. В его похоронах, которые состоялись 21 января, участвовал почти весь город. Траурную процессию и ритуал захоронения по заказу владельца кинотеатра «Модерн» Г Д. Букатина снимали на кинематографическую ленту.

Похоронили А.С.Золотарева на христианском кладбище в первом квартале, прямо против церкви на главной аллее. На могиле установили металлический крест.

Умер А.С.Золотарев в возрасте 43 лет, в самом расцвете творческих сил, и смерть его городская общественность сочла тяжелой утратой для Таганрога.

«Дело Вальяно»

Не вдаваясь в торговые дела купца Марка (Мари) Вальяно, которые насыщены многочисленными острыми моментами и элементами детективного жанра, коснемся лишь событий, последовавших после его смерти. Отметим только, что громкий судебный процесс, когда обвиняли Марка Вальяно в контрбандном провозе товаров, проходил не в Таганроге, а в Харькове.

По словам Сергея Званцева, после смерги Вальяно «его капитал к этому дню составлял 66 миллионов рублей. Таганрожцы гадали: кто же унаследует огромное богатство Вальяно? Тут-то и оказалось, что в дни его туманной юности им был брошен в Греции сын Коста, ныне торговец губками и кораллами в Афинах». Далее следует, что «молодой наследник миллионов купил в долг приличный костюм и зафрахтовал в кредит пароход... Затем обратился к выполнению сыновнего долга.

Уже назавтра цинковый гроб с останками миллионера был погружен на пароход, и молодой, полный сил торговец губками, тщетно пытаясь изобразить скорбь на пышущем радостью лице, стал в театральную позу у гроба.

- Я похороню отца на земле предков! Это был лучший из отцов».

По рассказу Сергея Званцева, далее события развивались следующим образом.

«Когда пароход подошел к берегам Греции и команда стала выносить по сходням цинковый гроб, местные усатые греки неожиданно подняли бунт и | заставили матросов завернуть обратно.

- Миллион драхм или везите эту падаль назад! - кричали разъяренные греки. - Живым этот дьявол не пожертвовал нам ни одной драхмы. Пусть раскошелится хоть мертвым».

Справедливости ради следует отметить, что после смерти М.Вальяно осталось 150 миллионов рублей, и, по его завещанию, он не оставил городу, в котором прожил всю жизнь и в котором нажил свои миллионы, ни копейки. Однако построил в Афинах библиотеку, на дверях которой красовалась вывеска «Национальная библиотека Мари Вальяно», а на своем острове Кефалония основал ремесленную школу. Так что мифические усатые греки были не правы, утверждая, что покойник им ничего не пожертвовал.

Многократные попытки сына вынести гроб с телом покойного на землю не увенчались успехом и, приказав развести пары парохода, Коста отвез «печальный груз» подальше от берега, где собственноручно сбросил в воду. Так по Званцеву. И, заканчивая свой рассказ, автор «Дела Вальяно» произносит: «О дальнейшей судьбе богатства Вальяно я не знаю».

Что действительно произошло после смерти знаменитого Вальяно, рассказывают подлинные документы.

В некрологе, опубликованном в газете «Таганрогский вестник» за 26 января 1896 года, сказано:

«В ночь на 24 января скончался после продолжительной болезни известный не только в России, но и в Европе один из крупных миллионеров-экспортеров Марк Афанасьевич Вальяно, несколько десятков лет игравший среди хлебных коммерсантов Юга первенствующую роль. Скончался в глубокой старости, прожив более 90 лет».

Похоронили Марка Вальяно на таганрогском кладбище, рядом с могилой жены, которая умерла в возрасте 80 лет 28 июля 1894 года. На девятый день после кончины сын покойного препроводил таганрогскому полицмейстеру значительную сумму для устройства поминального обеда на тысячу человек.

Когда вскрыли завещание, оказалось, что все свое имущество он завещал детям, в пользу же благотворительных заведений города, в котором умер и так долго жил, «не оставил ни гроша». И при жизни Вальяно был скуп и не отличался благотворительностью, однако не было случая, когда он предъявил бы вексель ко взысканию; говорил, что сам в этом виноват, что связался с недобросовестным человеком.

Марко Вальяно был действительно скуп, и о его скаредности ходили анекдоты.

А вот об одном действительном случае рассказывает историк П.П.Филевский:

«На днях был разговор, и по какому-то поводу вспомнил Марка Афанасьевича Вальяно и о том, как его просил директор Громачевский пожертвовать на общежитие для гимназии несколько десятков тысяч рублей, обещая похлопотать ему орден или другую почетную награду, но Вальяно был совершенно не честолюбив. Разговор был в городском саду. Громачевский битый час его уговаривал, а тот молчал.

Громачевский мог подолгу говорить, но наконец устал. Воспользовавшись первой паузой, Вальяно молча поднялся и, по-стариковски сгибаясь в пояснице, кивнул головой собеседнику и перешел на противоположную скамейку.

Громачевский тогда поехал к Якову Самуиловичу Полякову. Тот был иного закала богач и с присущей евреям иронией заметил: «Что же за это вы мне дадите?». Оказалось, что и дать нечего: он и действительный советник, имеет ленту и потомственный дворянин. Смущенный директор намекнул на память потомства: «Можно именовать «Поляковским интернатом».

«Знаю я цену этим наименованиям, будут чествовать какого- либо писателя, полководца, а то и просто-напросто проходимца и переименуют название - вот вам и память о потомстве. Назывался музей Петра Великого, городская дума как-то забыла это и переименовала в музей Чехова», - ответил Поляков.

«В самом деле, в последнее время слишком небрежны к традиции. Это нехороший тон», - закончил разговор историк города.

Сын покойного после кончины отца пожертвовал три тысячи рублей для благотворительных целей и семь тысяч рублей на реставрацию двух приделов в Успенском соборе, затем, уже живя в Париже, переслал для этих целей 1125 рублей на окончание работ.

Марк Афанасьевич имел троих детей. Двоих сыновей с разницей в годах в несколько лет и дочь Аспазию. Дочь умерла от простуды в 1859 году, когда ей исполнилось 17 лет. Похоронена на Таганрогском кладбище. От богатого мраморного саркофага сохранились лишь жалкие руины.

10 апреля 1896 года произошло переложение тел умерших Марка Афанасьевича Вальяно и его жены Марии Антоновны из обычных гробов в цинковые. Набальзамированное тело Марка Вальяно прекрасно сохранилось. Тело покойной супруги, несмотря на двухлетний период нахождения в земле, также хорошо сохранилось, и тление было обнаружено лишь в нескольких местах. Не поддалась порче и одежда, которая была на ней.

Первоначально тела покойных супругов намеревались отправить на родину почивших - остров Кефалонию, однако по неизвестным причинам доставили на

английском пароходе в Лондон. Есть, однако, этому объяснение - Марк Афанасьевич Вальяно являлся английским подданным. Старший сын намеревался похоронить отца на престижном лондонском кладбище, однако стоимость захоронения показалась ему непомерной, и тело М.А. Вальяно там же кремировали.

Неизвестно, каждый ли год служили в Англии панихиду по умершему Марку Вальяно? Известно только, что в Лондоне 23 января 1902 года панихида по нему была отслужена.

Известно также, что внуки М. Вальяно проживали в Париже и за деньги приобрели звания баронов и маркизов. В числе более десятка пароходов, принадлежавших внукам и ходивших по Средиземному морю, было два носивших имя «Маркиз Вальяно» и «Барон Вальяно».

Само «Дело Вальяно» по событиям тех лет чрезвычайно интересно и захватывающе, но и очень трудоемко по написанию. При благоприятных обстоятельствах будет опубликовано.

«Конец генерала Ренненкампфа»

Можно поставить в смешное положение обывателя - любителя «чудесного таганрогского пива», но, вводя в свой рассказ «Конец генерала Ренненкампфа» исторически действующее лицо, кощунственно выставлять его этаким обер-палачом народов, предателем, приехавшим в Таганрог для свержения Советской власти! Миссия генерала Ренненкампфа в нашем городе была совершенно иная. Ведь какое суждение можно вынести о личности генерала по прочтении рассказа «Конец генерала Ренненкампфа»?

«Ренненкампф, расправившись с рабочими на Китайско-Восточной, Забайкальской и Сибирской железных дорогах, занял особо почетное место даже среди обер-палачей». Далее: «Блестяще подготовленное наступление на Восточную Пруссию армии генерала Самсонова сорвалось именно из-за генерала Ренненкампфа. Противостоящей германской армией командовал его родной брат (??? - О.Г.). И когда по диспозиции вслед за армией Самсонова должно было начаться выступление его правого соседа - армии Ренненкампфа, каратель даже не пытался сдвинуться с места. Он предоставил генерала Самсонова и его солдат своей судьбе, охраняя судьбу своего родного брата».

Не мог не знать уважаемый писатель, что «обвинения в измене не были доказаны. Абсурдность их была установлена особой правительственной комиссией и целиком подтверждена в двадцатых годах как советскими, так и зарубежными историками. Но легенда об «измене немца» живет и поныне». («Советский писатель» № 42, октябрь 1991 года).

Генерал - из старинного рода, принимаемый при дворе, - в рассказе вдруг стягивает с себя сапоги и бесцеремонно начинает раздеваться в присутствии престарелой дамы. Или: «Генерал просветлел лицом, когда увидел графинчик водки, две бутылки лафита, икру и балык.

- Я бежал из Ростова, - пояснил он. - Из ЧеКа ломились в соседнюю дверь, а я удрал с черного хода».

Слово-то какое - «удрал» - в лексиконе престарелого заслуженного генерала. Здесь уместно ввести еще одно действующее лицо - Николая Ивановича Катенева.

Уроженец нашего города Н.И.Катенев родился 27 ноября 1898 года, как он сам выражался, в благородной семье «фараонов». Эмигрировал за границу в двадцатых годах. До конца дней своих (умер в 1975 году) остался истинным таганрожцем, влюбленным в свой город и его жителей. На склоне лет занимался литературной деятельностью и вел оживленную переписку с сотрудниками краеведческого музея и сестрой, оставшейся в Таганроге. Основное местожительство - Париж, где дружил с сыновьями известного нам Павла Федоровича Иорданова, семьей генерала Ренненкампфа и многими известными в Таганроге фамилиями, эмигрировавшими за рубеж.

Когда в семидесятых годах вышла книга рассказов Сергея Званцева, Н.И.Катенев, зная, что в ней речь идет о старом Таганроге, попросил работников таганрогского музея выслать ему экземпляр, после чего от него пришло гневное письмо на двадцати страницах.

Приведем наиболее «мягкое» выражение, высказанное Н.И.Катеневым в своем послании в адрес автора книги:

«Вы понимаете, конечно, интерес к книге С.Званцева, когда я ее получил несколько недель тому зад: ведь пишет мой земляк, признанный писатель, значит, будет что-то новое, интересное, незнакомое для меня... И о, Боги! что же я нашел в этих «мемуарах»? Автор произвольно меняет места действий, искажает «типажи», скрывает существенные факты или не знает о них и весьма покровительственно относится ко всему и вся».

В своем письме Н.И. Катенев особо осуждает автора рассказа «Конец генерала Ренненкампфа», его отношение к генералу и упоминание мифической Луизы Ивановны Вейдель: «И пусть будет стыдно Званцеву за то, что после смерти генерала он связал его имя с даже несуществующей публичной девкой. Этого покойный не заслужил». Зная хорошо семью Ренненкампфа, проживая в Париже, где после революции собрался весь цвет русской интеллигенции, Н.И. Катенев высказывает свое суждение о боевых заслугах генерала.

«О том, что генерал Ренненкампф был выдающимся военачальником, не может быть двух мнений: он приобрел себе имя и мировую известность в военных кругах во время китайского похода 1900 года, за который получил высокие награды - ордена св. Георгия Победоносца 4-й и 3-й степеней и георгиевское оружие, украшенное бриллиантами. Во время русско-японской войны 1904-1905 годов на темном фоне маньчжурских неудач нашей армии, среди нескольких старших начальников голос армии называл и имя Ренненкампфа, сначала начальника Забайкальской казачьей дивизии, а затем командующего отдельным восточным отрядом».

Оставим дальнейшие высказывания Н.И.Кагенева о заслугах и деятельности генерала в период 1-й империалистической войны, коснемся лишь дальнейшей судьбы его братьев, об одном из которых Сергей Званцев утверждает, что «противодействующей германской армией командовал его (Ренненкампфа - О.Г.) родной брат». Со всей категоричностью Н.И.Катенев пояснил: «Действительно, у генерала Ренненкампфа был единственный брат, Георгий Карлович, единственный, имевший отношение к военному делу как военный инженер-химик. Старший брат Яков имел торфяной завод, четвертый брат умер молодым, третий брат по слабости здоровья на военную службу не попал.

Георгий Карлович у немцев не служил, а был заведующим пороховым заводом в Заварце, где-то в Западной Руси. Заварце был занят немцами, и германское командование приказало Георгию Карловичу сдать весь большой запас готового пороха. Он попросил время на размышление и, воспользовавшись этой отсрочкой, затопил все пороховые погреба. За эту «услугу» немцы отправили Георгия Карловича со всей семьей из Заварце в Кенигсберг, в плен, пешком. Там, в Кенигсберге, уже после окончания войны, Георгий Карлович умер».